

Автор:

Богомолова Александра

обучающаяся 1 курса

Руководитель:

Макарова Наталья Ивановна

преподаватель

ГБОУ НПО РО ПЛ № 89

Ростовской области, Октябрьский район, п. Качкан

Я НЕ ЖИЛА ТОГДА

Цветы черемухи висели на ветках снежными хлопьями, потом мягко ложились на дорожки пушистыми сугробами под стоптанные туфли и кованые каблуки. Все было как год, как два назад. Но им было не до весны. Да и какая весна в Освенциме – распределите! Моя бабушка об этом говорит редко, чаще видит во сне: как дети протягивают исхудалые ручонки и потом стонут: “Пить...”, как выливает утренний кофе в горячую бурду – выпить обед нужно за несколько минут, иначе...; как сжигают эшелоны евреев, и пока можно успокоиться., что в ближайшее время твоя очередь не наступит. А кофты и платья напоминают о домах, где их надевали, о зеркалах, у которых их примеряли. Она не любит об этом вспоминать. Хотя каждую весну цветы черемухи висят на ветках снежными хлопьями.

В ту весну моя бабушка окончила первый курс медучилища в городе Белая Церковь Киевской области, второй закончить не удалось. Бомбили Киев, многих не смогли эвакуировать. Работала в комендатуре. Полы мыла, узнавала, когда отправляют молодежь в Германию, пропуска доставала, носила в лес продукты – “не знаю кому”. В одну из таких ночных вылазок девчонок поймали. Хотели сразу расстрелять, а потом, перепуганных до смерти, с

искаженными лицами, отправили в комендатуру, а рано утром – в Германию. Ее мама узнает об этом спустя лишь шесть лет. Все это время она будет считать ее расстрелянной, будет ставить свечки в церкви за упокой, каждое утро вставать с опухшими глазами. Потеряет сознание, услышав голос дочери. Но это будет потом. А пока – польский Освенцим – распределитель. Туда съезжалось начальство, домохозяйки, выбирали рабочих, как лошадей, - зубы, лица, тела. Невостребованных гнали на военный завод. Кто знает, куда бы попала она, если бы не было попытки бегства. В суматохе ее привезли на военный завод в город Штеттин. Через месяц с подругами сбежала. Потом ее поймали в Польше, “били, били, били”. Потом была берлинская тюрьма, где есть почти не давали, а в коридорах свистели пули и гулко цокали подковы сапог, - немцы ходили и стреляли, а в камерах забивались по углам.

Потом был политически концлагерь Равенсбрюк – проволока в три ряда. У входа надпись “ Добро пожаловать!” Срезали косы – змеи, сделали уколы, выдали полосатый пиджак и брюки, сняли отпечатки, не стало ни фамилий, ни имени, один номер-33959. Весь лагерь протяженностью как машгородок, 28 барачков по 500 человек, кругом не травиночки – все съедено. На десять человек булка хлеба на день - ниточкой отмеряли, чтобы поровну. Там были поляки, чехи, югославы, русские, немцы. Откуда немцы? Какая -нибудь немка, теряющаяся от сладковато – жирного запаха из труб крематориев, бросит кусок хлеба за проволоку; если часовые увидят – всю семью сюда.

По шесть часов выстаивали жертвы на улице в любую погоду. Блоковая Эльза Кух, сумасшедшее красивая и злая, с плеткой, в голифе, все время старалась ударить. Била с расчетом – по голове. Но, не дай Бог, отвернешься или, того хуже, упадешь – ногами. До смерти. Шесть печей было в лагере. Приходит какая-нибудь немка, к примеру, и говорит: “Мой муж погиб под Киевом, хочу, чтобы 10 человек расстреляли”. Немцы смотрят по спискам, выбирают людей, живших под Киевом, а потом...

Потом был Бухенвальд – лагерь смерти, жили в небольших комнатах – простыни, костюм. На завтрак кофе с лекарствами, вызывающий головные боли. Страшное отчуждение от жизни, безразлично становится. Все – голод, жизнь, боль, смерть. Чуть барак провинился, гонят по кругу, рядом собаки. Бежишь, пока не упадешь, тогда собаки набрасываются и раздирают. Потом был опять Равенсбрюк. Там почти не работали, только иногда гнали полоть капусту, морковь. На поле капусты не видно, - вся под теплом, надо разгрести его. Специально выученные собаки следят, чтобы люди не ели морковь: увидят, что ко рту подносишь,- набрасываются. Гоняли на каменоломни: туда-150 человек, возвращаются семьдесят- восемьдесят. Каждое утро немцы снимали человека четыре с колючей проволоки- люди не выдерживали, сами бросались.

Однажды она возвращалась с поля: вызвали в отдельный барак, взяли кровь, и начались испытания, длившиеся целый год. Отдельная койка, кусочек масла, хлеб, костный мозг. Делали уколы, от которых температура под сорок, каждый день врачи осматривают, следят за развитием болезни. А через месяц, когда начинаешь выздоравливать, снова укол. Она сильно похудела и ослабла, и однажды комендант, взглянув в воспалённые огромные глаза, на губы с запёкшейся кровью, сказал: «Нечего ей здесь лежать, ничего с нее больше не возьмёшь». Ее повезли на тележке, бросили в груду обнажённых, ещё живых тел у печи. Ее спасла пленная ленинградка, случайно проходившая мимо, вытащила из этой груды, перенесла в свой барак, бабушка была совсем лёгкая. Ленинградка повесила ей номер недавно умершей чешки, тем она и спаслась, Там быстро умирали люди: от голода, усталости, без лекарств, тяжёлой жизни. Поэтому часто оставался лишний суп.

В этом городе смерти был и детский барак - дети от 6 до 10 лет. В подвале их подвешивали вниз головой, подрезали вены па запястьях, пока стекала кровь. Снимали кожу, из которой делали перчатки, сумки.

И уже была слышна канонада, приближались русские. Немцы закрыли всех в бараках, рыли подкопы, чтобы подложить бочки с бензином. Живых людей складывали штабелями, обливали бензином и поджигали – печи уже не справлялись. Это была целая наука: как уложить «фигуры», чтобы тела старых людей, горящие медленно не потушили огня.

3 мая всех освободили.

Американцы вошли в лагерь с одной стороны, русские – с другой. Дали три дня свободы. Лагерники ходили по опустевшему немецкому городу: ни одной живой души. Заключённые заходили в дома, в квартиры, смотрели, брали одежду. Врач предупредил всех, что помногу есть нельзя. Она прижала к груди булку хлеба и луковицу, зажмурила глаза, казалось, она никогда не насытится.

Потом был госпиталь в Дрездене – три месяца, а потом Белая Церковь, где каждую ночь ее водили в НКВД, учиться не разрешали, документов не давали, и выехать никуда

было нельзя. Врачи сказали, что проживёт она лет пять. Но ...

Лётчики увезли её на свой страх и риск на Сахалин, где японский врач сделал чудо – лечил переливанием крови...

Идёт по дорожке высокая женщина с прекрасными голубыми глазами, прошедшая весь этот ужас, отдавшая лучшие годы жизни концлагерю, страшно завидующая своим собственным внукам, когда те говорят о любви, страшно боящаяся за сегодняшнюю молодёжь: «Как они жить будут?»; женщина, которая в двадцать лет выглядела на шестьдесят, а сейчас – значительно моложе своих лет, - моя любимая бабушка.

Я не жила тогда, когда на моей земле шла война. В моей шкатулке, среди колец, цепочек и зеркал нет писем погибших любимых, нет орденов и медалей, нет истрепанных, пожелтевших фотографий людей с погонами. Когда цветы черемухи висят на ветках снежными хлопьями, мне не снятся исхудалые дети.

Когда вижу жёлтые цветы, не вспоминаю первый день войны.

Но когда слышу о войне – перехватывает горло.

Автор:

Журавлева Валентина

обучающаяся 1 курса

Руководитель:

Макарова Наталья Ивановна

преподаватель

ГБОУ НПО РО ПЛ № 89

Ростовской области, Октябрьский район, п. Качкан

ЖИВЁТ ЧЕЛОВЕК С ОСКОЛКОМ В РУКЕ

Я позвонила в квартиру, и мне открыл дверь Владимир Константинович. Мы с мамой ходили часто в гости к тётке Лене, его дочери, но сегодня я пришла не к ней, а к её отцу Владимир Константиновичу Малолеткину.

Я так и сказала с порога: « Я хочу написать сочинение о войне, и мне некого спросить об этом, так как мои родственники в той войне не участвовали»

Владимир Константинович сразу согласился и сказал, что прошёл всю войну с первого дня и до Победы в пехотном полку. Три раза был ранен и имеет благодарственное письмо от Верховного Главнокомандующего и много других наград.

Про одну из своих наград он говорил долго, иногда замолкал и вспоминал. Вот что он мне рассказал: «Это было 22 февраля 1994 года. Наш батальон освобождал город Кривой Рог.

Меня и ещё двоих солдат послали ночью в разведку. Мы прошли поле со старой кукурузной и обнаружили окопы с немцами. Немцы растерялись, мы воспользовались этим и первыми забросали их гранатами.

В это время по связи нас стал вызывать командир. Мы доложили обстановку. Нам был дан приказ держаться до вечера.

Вечером к нам пришли подмога и пулемёт. Мы отбили Немцов с окраины Кривого Рога. Установили пулемёт на третьем этаже одной из школ. Стреляли до тех пор пока нас немцы не обнаружили. Мы стали отступать. Во время отступления мы наткнулись на шахту, вход которой был ограждён решёткой. За ней было много людей разного возраста. Из криков мы поняли, что шахта заминирована.

Мы стали просить людей отойти от решётки. Но обезумевшие пленные не слышали нас. Тогда мы стали стрелять поверх голов и воздух чтобы прекратить крик. После этого мы приказали всем уйти в глубь шахты и лечь на землю.

Взрывчатку мы разрушили решетку на входе в шахту. Но напуганные люди лежали не шевелясь. Тогда я вошел в шахту, сказал, что мы советские солдаты. Тут поднялся страшный крик, люди подхватили меня на руки, вынесли из шахты и стали подбрасывать вверх.

После боев за Кривой Рог наш подполковник Велебеков вручил мне орден. Мне в то время был 21 год».

Спускаюсь по ступенькам лестницы и почему – то думаю, что война – это страшно, и ещё – что рядом живёт человек, живёт сейчас тихо, читает книги, ездит в деревню и часто курит, выходя на улицу. Наверное, потому, что многое пережил.

Автор:

Леончикова Мария

обучающаяся 1 курса

Руководитель:

Макарова Наталья Ивановна

преподаватель

ГБОУ НПО РО ПЛ № 89

Ростовской области, Октябрьский район, п. Качкан

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

У нас дома на книжной полке стоит небольшого размера книга, темно-синяя, с красной надписью «Максим 66» ростовского писателя Овидия Горчакова. Она не новая, с потрепанным слегка переплетом, много раз читана. Я знаю ее почти наизусть, потому что о событиях, изложенных в ней, узнала от мамы, когда еще не умела читать, и сейчас воспринимаю их как боль нашей семьи. Это книга о молодых героях разведывательно-диверсионной группы «Максим – 66», принявших последний бой в орловской степи суровой зимой 1942 года.

Долгое время оставались безвестными имена героев, и об их подвиге не знал никто, кроме двух местных жителей.

Моя мама в 1971 году училась в восьмом классе Орловской средней школы, когда было обнаружено захоронение неподалеку от железнодорожного полотна у разъезда Куреный, близ станции Двойной.

Началась поисковая работа. С волнением мама рассказывает, как по крупицам собирали сведения о погибших, расспрашивали местных жителей, обращались в архивы, писали письма предполагаемым родственникам. А потом приезжали с разных концов страны люди и плакали над прахом погибших.

Моей маме, в числе других школьников, активных участников поисковой группы, была доверена честь быть в составе почетного караула на открытии обелиска, водруженного на месте героической гибели группы «Максим – 66».

Нашу семью война не обошла стороной. Дедушка моей мамы прошел и финскую и Великую Отечественную войну. Его сын, мой дедушка, был мальчишкой во время оккупации и с болью рассказывает о горестях, постигших их. Боль человеческая, связанная с Великой Отечественной войной, столь безмерна, что не отпускает и наше, уже четвертое поколение. И это особенно остро я чувствую, когда еду на родину моей мамы, в поселок Орловский, он же и есть та самая железнодорожная станция Двойная.

Ранним утром поезд Ростов-Цимлянск, постукивая на стыках рельсов, приближается к нашей станции. Уже мелькнули за окном в утреннем рассветном тумане разъезды Восточный, Ельмут, Куреный, и вдруг на повороте стального пути среди по-зимнему голых лесополос вырастает белоснежный семиметровый обелиск, Бронзой отливают на нем буквы: «Они шли на смерть – обрели бессмертие». Я замираю у окна – неизбежна память прошлой войны.

Шли ожесточенные бои за волжскую твердыню – Сталинград. А в это время ускоренно готовились группы разведчиков для разведывательно-диверсионной работы в тылах немецких войск.

...Холодной ноябрьской ночью шагнули в снежную степь 15 разведчиков. Долгий путь предстоял им в степных просторах – через линию фронта, «черные земли» Калмыкин, через котловину Сарпинских озер, Ергени, по курганам приманычских степей – к железной дороге, по которой шли немецкие эшелоны с солдатами, боеприпасами, техникой к осажденному Сталинграду. Железная дорога – артерия фашистской военной машины на русской земле – стала целью «Максима- 66».

Свыше трехсот километров в безводной зимней степи прошли стертые в кровь ноги разведчиков. Ориентировались по компасам и по обозначенным на

картах худукам – степным колодцам. Шли по ночам – днем пережидали в заросших редким тальником и бурьяном лощинах, полузасыпанных снегом и землей окопах, брошенных кошарах. Костров не разжигали, стороной обходили редкие степные хутора. Пронизывающие до костей мороз и ветер, колючий снег вперемешку с песком и пылью – не раз налетал песчаный черный буран – шурган, слепящий глаза, залепляющий лицо, руки, оружие, одежду снежной грязью.

Вблизи хуторов Нижнее и Верхнее Зундово разведчики наткнулись на окопы и блиндажи – здесь несколько месяцев назад проходила линия обороны наших войск. Можно было отдохнуть после долгих и трудных дней пути. Но время не ждало – рация принесла весть об окружении армии Паулюса и приказ: любой ценой прервать движение по железной дороге подкреплений фашистов, направляющихся в район Котельниково, где Манштейн собирал ударный кулак для прорыва окружения.

Было найдено и место для диверсии – там, где железная дорога делает поворот к станции Двойной – станции Орловской. Дорога не охраняется – не ждут немцы нападения в зимней степи ночью. На задание пошла вся группа. Выдолбили в мерзлой, чугунно – твердой земле железнодорожной насыпи яму, заложили взрывчатку, приладили детонатор. Укрылись в ближней, поросшей абрикосами, акациями и кустарником лесополосе. Пошли долгие минуты ожидания. И вот на повороте эшелон. Взрыв. Скрежёт. Дым. Щепки шпал. Но снизивший на повороте скорость поезд только поврежден, разбит путь. Задание выполнено.

Дружно ударили по паровозу, окнам, вагонам из винтовок и автоматов. Звон разбитого стекла, крики, лай команд – в эшелоне эсэсовцы – полк «Нордланд» дивизии СС «Викинг» едет на помощь окруженным под Сталинградом войскам. Сколько длится бой? Время, когда смерть стоит за спиной каждого, имеет свой отсчет.

Не сразу оправились эсэсовцы от растерянности, не сразу поняли, что огонь ведет горстка людей. Но вот ударили по лесополосе крупнокалиберные пулемёты бронированного вагона, непрерывно выплёвывали свинец «шмайсеры» автоматчиков, полетели немецкие, с длинными ручками гранаты.

Многие из разведчиков оглушены, ранены, истекают кровью, дана команда отходить. Но эсэсовцы обошли группу с флангов. Горит лесополоса, подожженная огнеметчиками, начинается ожесточенная рукопашная схватка в дыму, мертвенном свете немецких ракет.

... Захваченных разведчиков со скрученными рукавами, избитых, израненных, окружила толпа озверелых эсэсовцев. Но никто не проронил ни единого слова. Фашисты, распаленные кровью, упорством советских бойцов, сожгли огнеметами, скосили свинцом пулеметов **разведчиков**. Остались у сгоревшей лесополосы тела погибших воинов, ценой своих жизней задержавших в декабрьскую ночь на сутки движение фашистского эшелона.

Весной сорок третьего года похоронили останки разведчиков местные жители Рябошапка и Пащенко.

Недолгий список на обелиске:

Черняховский Л. М. 1914г. командир.

Быковский В. М 1913г.. комиссар .

Солдатов В. Я 1921г. зам. командира по разведке.

Киселев С. М. 1922г. подрывник, комсорг.

Кулькин Н. С. 1923г. снайпер – подрывник.

Лунгор Н. С. 1923г. снайпер – подрывник.

Сидоров И. Д. 1925г. подрывник.

Клепов И. Д. 1922г. подрывник.

Владимиров В. В. 1925г. подрывник .

Хаврошин Н. Ф. 1925г. подрывник.

Анастасиади В. Ф 1925 подрывник.

Шарыгина Н. Н. . 1925г. подрывник.

Заикина В. И. 1923г. медсестра .

Васильев. П. Н 1920г. подрывник.

Печенкина З. Ф. 1922г. радист.

Каждый год школьники района совершают походы по местам боевой славы, и всегда конечный пункт их маршрута – обелиск. Здесь проходят не только торжественные митинги в честь Победы в Великой Отечественной войне, но и вручают награды, просто чествуют добросовестных людей. Изменилось название нашей страны, но люди, живущие в этих степях, остались теми же. Они по-прежнему приходят на могилы павших, возлагают цветы и боль чужую воспринимают как свою.

... «В балладе о пятнадцати» местного поэта П.С.Кухтина есть строки:

У железной дороги

холодный гранит

Нашу память о юных

героях хранит.